

Мы сидимъ втроемъ: я, сестра Лена и дочь священника, Лица, которая приходить учиться и играть съ нами для развлечения въ прилежаньи и послушании.

Сегодня уроковъ не было и играть не позволяютъ. Сегодня день торжественный и тревожный — страшная суббота. Нужно сидеть тихо, не лѣзть, не приставать, не драться, по стулу на колѣнкахъ не ерзать.

Всѣ заняты, всѣ спѣшаютъ и сердятся. Губернаторъ съ красными пятнами на щекахъ строчитъ себѣ блузы на машинкѣ. Ужасно важно! Все равно, носъ-то шершавый. Няня ушла въ двѣдичью грядку, старшія сестры въ столовой красятъ яйца и встрѣтили меня обчужденными словами:

— Только тебя тутъ не хватало. Нянюшка, уведите ее!

Я хотѣла отшить себя и тутъ же локтемъ задѣла чашку съ краской и при помощи подоспѣвшей няни была водворена въ дѣтскую. Во время всей этой катастрофы выяснилось, что къ завтрашней насъ не берутъ. Я со злости даже не заплакала, а просто ядовито сказала:

— Къ исповѣди-то, небось, таскали. Что похуже — то намъ а что получше, то для себя.

Пришлось засѣсть въ дѣтской.

А тутъ, какъ на грѣхъ, нужно было спѣшно разрѣшить богословскій споръ между мною и Леной изъ за разбойника и молитвы. Бабушка сказала, что каждое дѣло надо начинать съ молитвы. И вотъ меня поразило положеніе разбойника: идетъ убивать а, вѣдь, долженъ помолиться, потому что убивать — это же его дѣло. А Лена возражала, что ему молиться не надо, что ему, молъ, все ужъ аводно прощается.

Спросить не у кого. Драться нельзя. Бѣда.

Наконецъ, пришла Лица. У Лицы лицо худенькое, обтянутое, глаза большіе, свѣтлые, очень выпуклые и испуганно-вдохновенные. Все въ жизни видитъ она въ двойномъ, въ тройномъ размѣрѣ и вретъ какъ нанятая.

Всѣ бытъ Лизиною жизни намъ извѣстны и очень интересны.

У нея есть лядя семинаристъ, Петръ Яковлевичъ, который выпилъ молоко отъ четырехъ коровъ. Пришелъ, когда никого не было, а въ снѣгахъ стоялъ вечерней удой — она все и выпить.

Потомъ у нихъ дома есть четыре золотыхъ роля, но они спрятаны въ сѣнокош, чтобы никто не видѣлъ.

Потомъ у нихъ никогда не объѣдаютъ, а стоитъ въ залѣйшій шкапъ, а въ шкапу все жареныя куры. Кто захочетъ ѣсть — сунулъ голову въ шкапъ, съѣлъ курицу и пошелъ.

Потомъ у Лицы есть четырнадцать бархатныхъ платьевъ, но она ихъ носитъ только ночью, чтобы никто не видѣлъ, а днемъ прячетъ въ кухню подъ макиру, въ которой тѣсто творятъ.

Потомъ Лица очень хорошо говорить по французски, только не на нашемъ французскомъ, на которомъ мы съ губернаторкой говоримъ, а на другомъ, котораго никто не понимаетъ.

Вообще жизнь у Лицы очень интересная.

И вотъ, сидимъ тихо, бесѣдуемъ. Лица рассказываетъ новости, сначала велитъ клястися и божиться, что никому не проболтаемся. Мы божимся и для прочности еще плюемъ черезъ лѣвое плечо.

— Никому?

— Никому во вѣки вѣковъ аминь! Лица коситъ глаза на дверь, глаза бѣлые, страшные — и лепечетъ:

— Садовника Трифона жена родила двухъ шенятъ, а всѣмъ сказала, что ребята, а какъ стали люди дознаваться, она шенятъ зажарила и велѣла Трифону съѣсть.

— Шенятъ ѣсть нельзя. Грѣхъ — испуганно говоритъ Лена.

— Такъ, вѣдь, она не призналась, сказала, было ребята.

— Это еще чортъ научаетъ. Это уже извѣстно, чортъ къ спящему человеку очень легко можетъ подступиться.

— Лица, а ты видѣла чорта?

— Видѣла. Это съ вечера замѣчать надо. Коли у тебя на шеѣ крестикъ очень заблеститъ, значить непременно ночью чортъ и явится.

— А ты видѣла?

— Видѣла. Я ночью какъ проснусь такъ сейчасъ голову высуну и смотрю и всегда вижу: надъ папой чортъ и надъ мамой чортъ. Такъ надъ каждымъ по чорту всю ночь и стоятъ.

— Въ черной кошкѣ, говорятъ, очень

много, много этого самаго — говорю я.

— Что?

— Чорта. Если она дорогу перебежитъ — бѣда неминуемая.

— Даже заяцъ черный — и то опасно — вставляетъ Лена.

Я въ душѣ удивляюсь, откуда она безъ меня такую штуку узнала. — Очень опасно — подтверждаетъ Лица. Когда наша Лидочка помирала, поѣхали мы съ тетей Катей въ Лычевку за кисеей. Вѣдемъ назадъ, вдругъ кошка черезъ дорогу. Потомъ вдругъ заяцъ. Потомъ волкъ. Потомъ медведь. Потомъ тигръ. Потомъ крокъ. Приѣзжаемъ, а Лидочка уже померла.

Я отъ волненія давно уже вѣдала колѣнями на стулѣ, локтями на столѣ. — Охъ, Лица, какъ все это страшно. Только я сама ничего не боюсь. Я только волковъ боюсь, и привидѣній боюсь и темной комнаты боюсь. И покойниковъ тоже боюсь. Ужасно боюсь. И спать одна въ комнатѣ боюсь. И вотъ еще въ лѣсъ одна ни за что не пойду. А такъ — ничего не боюсь.

— А что вамъ на Паску подарятъ? — спрашиваетъ Лица.

— Не знаю. Можетъ быть, крокетъ. А тебѣ что?

— А мнѣ подарятъ... тоже крокетъ и еще... роля.

— Такъ, вѣдь, у тебя уже есть роля. — Есть да еще нужно. Потомъ подарятъ карету, потомъ коробку сардинокъ съ позолотой, потомъ подарятъ туфли, вышитыя золотомъ, потомъ золотой грешокъ и золоченную ложечку.

— Счастливая Лица! Все у нея съ золотомъ.

— Лица, а отчего отъ тебя всегда лукомъ пахнетъ? И дымкомъ.

— Это у насъ такіе оделоконы.

У Лены глаза стали круглые, но я то знаю, что оделоконы бываетъ различнаго запаха, разныхъ цвѣтовъ и травъ. Ну, и у нихъ, значить, луковый.

— А вы къ завтрашней пойдете? — вдругъ спрашиваетъ Лица.

— Ухъ, этого вопроса я и боюсь.

Мы, вѣдь, всю страстную толковали о томъ какъ будемъ у завтрашней и какія платья намъ надѣнуть — неужто, молъ, не голубыя.

Я слѣзала видъ, что не слышу, и вдругъ съ удивленіемъ услышала, какъ Лена спокойно отвѣчаетъ:

— Еще неизвестно ничего. Какая будетъ погода.

Вотъ молодчина! Я бы такъ никогда не сумѣла.

— Тетя Соня говорила, что въ прошломъ году была на Паску въ Архангельскъ и тамъ шесть снѣгъ — поддерживаю а наше достоинство.

— А моя мама говорила, будто васъ въ этомъ году не вызовутъ въ церковь — очень безтактно замѣчаетъ Лица.

— Входитъ няня. Держитъ на отлетѣ выглаженные передники и съ негодованіемъ хлопаетъ себя по бедру свободной рукой.

— Оправдана на колѣнкахъ. Всѣ паголенки протерла — не наштопаешься.

«Она» — это я.

— Сразу послушаться и слѣзть со стула невозможно. Унизительно. Я медленно, какъ будто сама по себѣ, спускаю одну ногу.

— Да слѣзешь ты, или нѣтъ? — кричитъ няня. — Говори не говори, что объ стѣну горохъ. Лица, одѣвайся, за тобой тетка пришла.

Лица подымается. Тутъ ужъ воплѣтъ удобно и мнѣ слѣзть со стула.

Лица вызываетъ голову шерстянымъ платкомъ и шепчетъ, коса глаза на няню, чтобы та не слышала.

У нашей няни въ перинѣ вмѣсто подушки три миллионы золотыхъ денгами натканы. Это уже всѣ разбойники знаютъ.

У Лицы въ темномъ платьѣ лицо бѣлое и худое, какъ у монашки.

Отъ словъ ея страшно мнѣ за няню. У Лены нижняя губа кривится и ходитъ изъ стороны въ сторону. Сейчасъ Лена зареветъ.

Лица быстро коситъ глазами на няню: молчите, молъ.

Уходитъ.

Мы остаемся съ Леной вдвоемъ. Молчимъ.

Все послѣ Лицы дѣлается такимъ особеннымъ и тревожнымъ.

Винное дерево зеленѣющими прутьями шевелитъ за окномъ, засматриваетъ въ комнату.

Одѣла на нянину постели будто шевелится. Можетъ быть, разбойникъ залѣзъ туда, спрятался и зоветъ громить... Таффи

много, много этого самаго — говорю я.

— Чортъ. Если она дорогу перебежитъ — бѣда неминуемая.

— Даже заяцъ черный — и то опасно — вставляетъ Лена.

Я въ душѣ удивляюсь, откуда она безъ меня такую штуку узнала.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!
КО ДНО СВѢТЛО-ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНІЯ, СЪ НЕИЗМѢННОЮ ВѢРОЮ ВЪ МИЛОСЕРДІЕ БОЖІЕ И СЪ ТВЕРДЫМЪ УПОВАНІЕМЪ НА СКОРОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ НАШЕЙ РОДИНЫ, ШЛО ЗАДУШЕВНЫМЪ ПРИВѢТЪМЪ ВСѢМЪ РУССКИМЪ ЛЮДЯМЪ, ТОМЯЩИМСЯ ВЪ МНОГОСТРАДАЛЬНОМЪ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМЪ ЕЯ, ЖАЖДУЩИМЪ ВОЗВРАЩЕНІЯ НА РОДИНУ.
СПЛОТЯСЬ ВОЕДИНО И ВСЕЮ МЪРОЮ ПОМОЖЕМЪ СКОРЪЙШЕМУ ЕЯ ОСВОБОЖДЕНІЮ.
Пасха 1927 года.
Шуанъ.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.
Генералъ П. И. Врангелъ
Брюссель, 24 (11) апрѣля 1927 г.
Поздравляю Русское Зарубежное Воинство съ Свѣтлымъ Праздникомъ Воскресенія Христова.
ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!
Генералъ Врангелъ.

ПРАВОСЛАВНАЯ ПАСХА

СОПЕТЪ МУЗУРУСЪ-БЕЯ
Одѣта бѣдно, радостная, въ бѣломъ...
— Цвѣтотъ весенній? Лилия небесъ?
На днѣ народномъ, въ градѣ престарѣломъ,
Бывають блески подлинныхъ чудесъ!
Склонила взоры... Нѣженъ глазъ разарѣтъ!
Надъ ней, — какъ вѣнчикъ, — и лазаръ... Вотъ, несмѣло
Она зажгла свѣчой «Христосъ Воскресъ!»
Зеленый лавръ. И пламя вѣлѣстело.
Вотъ такъ — прекрасная Эллада
Во дни апостоловъ, — и радала,
И въ бѣломъ мраморѣ свѣтла,
Склонилась передъ правой Слова!
Вотъ такъ — о пламя вѣры новой
Своей древней лавръ она зажгла!
Ив. Тхоржевскій.

УТЛОЕ ЖИЛЬЕ

Знай, мѣръ лишь утлое жилье,
Ладья въ волнахъ Господня моря.
Тамъ треплетъ каждый вихрь ее.
И скрипитъ уклучишь вихрю вторитъ.
Не такъ ли наши голоса
Лишь скрипомъ жалобнымъ восходятъ
Къ прекраснымъ Божиимъ небесамъ,
Гдѣ, точно оаны, тучи бродятъ,
Гдѣ ангелы на облакахъ --
Господни бдительные стражи --
Хранятъ въ несогнутыхъ рукахъ
Прилежно — нити жизни нашихъ.
Гдѣбъ Струве.
9-21. IV. 1927.

Звѣриный урокъ

СКАЗКА
Послѣ долгихъ дней страшной засухи, поплылъ, наконецъ, благословенный дождь. Лѣса осыжились. Обмѣлѣвшіе рѣчки и ручейки наполнились живою бѣгучей сладкой влагою. Изнывавшіе отъ жажды лѣсные дикіе звѣри вдоволь напились и, кто изъ нихъ умѣлъ и могъ, съ наслажденіемъ купались въ прохладной водѣ.
— Или ты оглѣхъ? Извинисъ скорѣе и сойди съ тропы.
— Прости, старшій братъ мой, — пробормоталъ сконфуженный слоненокъ, осторожно соходя съ дороги.
— Стало дикихъ слоновъ однажды вечеромъ возвращалось съ водопоя по Великому звѣриному тропѣ, протоптанной десятками звѣриныхъ поколѣній. Впередѣ весело бѣжалъ разыгравшійся молодой слоненокъ, пятнадцати лѣтъ отъ роду и ста пудовъ вѣсомъ.
Вдругъ онъ остановился, услышавъ чей-то ворчливый голосъ, раздававшійся изъ подъ его ногъ. Это говорилъ муравей, ташившій на себѣ обломокъ прошлойгодней вѣточки.
— Ослѣзь ты, что-ли, огромный кусокъ мяса? Ужъ эти мнѣ молодые слоны, вѣчно суются подъ ноги.
Слоненокъ отъ удивленія выпучилъ

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ КЛЮЧЕМЪ
Дѣйствующія лица:
Актриса и Поэтъ.
Время дѣйствія: — доброе, старое, безмятежное...
Мѣсто дѣйствія: — квартира Актрисы.
Обстановка: — артистическая.
Актриса сидитъ у пианно и наигрываетъ что-то: не то «Ли donna e mobile», не то «Чирика». Раздается шелканье ключа въ замкѣ. Открывается дверь, входитъ Поэтъ, — весь въ черномъ, съ цвѣтами и со сверткомъ въ рукахъ.
Актриса (взглянувъ на него равнодушно): — А, это вы?
Поэтъ: Да, это я.
Пришелъ печальнымъ силуэтомъ, Съ прощальнымъ вздохомъ и сонетомъ,
На днѣ души печаль тая...
Пришелъ съ разбитыми мечтами,
Съ тоской, съ безмолвными устами
И съ этимъ маленькимъ ключемъ,
Моимъ единственнымъ лучемъ...
Вотъ, онь, — съ прощальнымъ цвѣтами,
И мой сонетъ «Слеза Півна».
(Кладетъ ключъ, стихъ и цвѣты ра пианно).
Актриса (продолжая импровизировать):
Пришли съ безмолвными устами.
А говорите безъ конца!
Поэтъ:
Не прибавляйте къ скорбной чашѣ —
Своей насмѣшки горькій ядъ...
Я прочталь посланье ваше.
Пять разъ подьярь!
Актриса: (машинально повторяетъ):
Пять разъ подьярь.
Поэтъ:
И такъ, все кончено? Развязка?
Огонь погасъ? Любовь мертва?
Всѣ ваши клятвы — злая сказка,
Слова, слова?...
Актриса: (повторяетъ, беря аккорды):
Слова, слова!
Поэтъ:
Всѣ ваши пламенные рѣчи,
Слеза разлуки, радость встрѣчи
И трепетъ губъ, и страсти дрожь —
Все ложь, все ложь?
Актриса:
Все ложь, все ложь!
(Захлопываетъ крышку пианно и переходитъ на кушетку. Пауза).
Мой другъ, чертотъ счастья хрупки...
Тебя обманутъ — не тужи:
Самой судьбой даны намъ губки,
Для поцѣлуевъ и для лжи.
(Закручиваетъ патрону. Пауза).
Вы надѣли мнѣ...
Поэтъ:
Я вижу...
Актриса:
Да, я отъ васъ не утаю,
Что я... что я васъ ненавижу
За глушоту — вашу и мою!
(Хватаясь за голову):
Играть въ такой бездарной пьесѣ,
Какъ вашъ нелѣпый «Бурый пень»!
Поэтъ: (обильно шипитъ):
Не «Бурый пень», а «Хмурый день»!
Актриса:
Читай-ль вы, что пишутъ въ прессѣ,
Объ этомъ вашемъ «Хмуромъ пнѣ»
И обо мнѣ?.. Да, обо мнѣ!
Поэтъ:
Считаются съ мнѣнемъ идиотовъ?
Я не читаю ихъ отчетовъ.
Актриса:
И я. Ни разу! Ни строки!
(топнула ножкой — и наткнулась на ворохъ изорванныхъ газетныхъ листовъ).
Не прочитавши рау въ клочки!
(Ложится съ ногами на кушетку и закуриваетъ новую папиросу. Поэтъ собираетъ съ нова обрывки газетъ, бросаетъ ихъ въ каминъ — и съ презрительной усмѣшкой смотритъ, какъ они вспыхиваютъ и сгораютъ).
Лоло.

Актриса: (устало):
Гдѣ ключъ?
Поэтъ:
Онъ тамъ, на пианно.
(Беретъ ключъ и декламируетъ);
О, милый ключъ, твой нѣжный звукъ,
Ласкалъ мой слухъ, какъ маиллоина...
Съ утра, исполненъ сладкихъ мукъ,
Я ночи ждалъ, я ждалъ свиданья —
И, въ томной нѣгѣ ожиданья,
Не выпускалъ тебя изъ рукъ...
Ты напоенъ моею страстью —
И безконечно-дорогъ мнѣ:
Ты былъ ключемъ къ такому счастью,
Какое видѣшь лишь во снѣ.
(Подноситъ ключъ къ губамъ, страстно его вѣдугетъ и отдаетъ Актрисѣ).
Актриса:
Ключи къ стихамъ и ласкамъ глухи.
Но... продолжаю въ вашемъ духѣ:
Привѣтъ тебѣ, мой другъ и стражъ
Моихъ ночей благоуханныхъ,
Защитникъ отъ гостей незваныхъ!
Со мной ты будешь вѣрнымъ пацъ,
Пока... почувствовалъ истому,
Я не отдамъ тебя другому...
(Дѣлаетъ неловкое движеніе и рокируетъ ключъ):
Ай!.. Закатился за корсажъ...
Поэтъ:
Позвольте, я...
Актриса: (строго):
Сергій Ивановичъ!
(Увидѣвъ въ шевелорѣ Поэта сѣдой волосъ):
Бѣдняжка, сталъ совсѣмъ сѣдымъ!
(Вырываетъ сѣдой волосъ. Поэтъ вскрикиваетъ).
Поэтъ:
Еще вчера былъ молодымъ —
И посѣдѣлъ за эту, за ночь.
Вы мнѣ клялись...
Актриса:
Что клятвы?.. Дымъ!..
(Пускаетъ стружку дыма):
Мой бѣдный другъ, не вѣрете клятвямъ,
Когда влюбленные сулятъ вамъ
Любовь на вѣки! У меня
Вѣкъ иногда коротче дня.
(Пауза).
Прощайте!.. Вы мнѣ надѣли...
(Звѣкаетъ).
Поэтъ:
А чувство долга? Неужели
Не пробуждается никогда? —
И шепчи, губы не краснѣли,
Не пламенѣли отъ стыда?
Актриса: (равнодушно):
Ахъ, «чувство долга» — пошлость,
фраза,
Краснѣлы-ль губы? О, всегда, —
Но не отъ лжи, не отъ стыда,
А отъ... усерднаго «намаза».
(Приближаетъ къ его лицу свое):
Вотъ, поглядите — и теперь
Онъ кровавы, точно рана...
(Приближаетъ свои губы къ его губамъ):
Но... красной маскѣ ты не вѣрѣ,
О, глупый... милый мой...
Поэтъ:
Марьяна!
(хочетъ ее поцѣловать).
Актриса: (гнѣвно):
Подите прочь!
(Онъ отступаетъ на нѣсколько шаговъ въ печали и смущенія).
Актриса: (лукаво улыбаясь):
Заприте дверь!
(Поэтъ бѣжитъ къ дверямъ, мечется по комнатѣ, въ поискахъ ключа... Потомъ вспоминаетъ, гдѣ ключъ — и бросается къ Актрисѣ... Занавѣсъ быстро опускается).
Лоло.

ХРИСТОВО ОЗЕРО

Это было давно, въ счастливѣйшіе дни моей жизни, и тоже весной...
Въ ясный вечеръ, при низкомъ солнцѣ, съ юга, по Юрданскій долину, поплыли мы къ Генисаретскому озеру. Все дико, голо вокругъ: и въ долину, и по каменистымъ предгорьямъ, отсутпшимъ ее, — предгорьямъ пустыннымъ, коричневымъ, въ золотисторыжихъ пятнахъ по склонамъ, гдѣ отъ няня выгорѣли травы. Тропинка въ долину вьется среди желтаго, уже созвѣвшего и подсохшаго ячменя. За нимъ — приборная деревушка, вся глиняная, безъ единого дерева, кажушаяся необитаемой. Пройдя по сѣрымъ пескамъ, на которыхъ стоитъ она, увидѣли мы водную равнину прелестнаго зеленоватого тона, теряющуюся въ горной дали, замкнутой на горизонтѣ пѣтой громадой Гермона. Вправо — бѣдный истокъ Юрдана, именно здѣсь начало свое берущаго. И галилейскій, мирно радуетъ глаза розовыми цвѣтами дикаго олеандра низменностью возлѣ мелничъ водъ его...
Солнце скрылось за горами. Свѣтъ заката гаснетъ здѣсь быстро, а какъ только онъ гаснетъ, съ горы срывается неолгий, но сильный вѣтеръ. И темнѣющее озеро уже шумѣло отъ крупной

на кровлю, съ которой далеко видно было успокоенное въ лунномъ свѣтѣ озеро, жаловался: они изнемогаютъ отъ скуки и тропического зноя въ этомъ невозномъ мѣстечкѣ; вокругъ нихъ — пустыня; отъ Магдалы осталось только название; отъ Капернаума — гурлы камней; въ Табѣхъ всего пять человѣкъ братія...
— Табха это близъ Капернаума, на сѣверномъ берегу?
— Да, да, тамъ, — расхвѣяно и грустно сказалъ настоятель, играя четками, мотая ногой въ лиловомъ чулкѣ, въ башмакъ съ серебряной пряжкой, и глядя на туманныя предгорья Галаринскія, за озеро. Луна сіяла — высоко-высоко. Все озеро было въ свѣтлѣ, тончайшемъ парѣ. Знойно звенѣли внизду, на пыльных кустарникахъ, на придорожныхъ кактускахъ цикады. Гиверіада спала. И вся ея мертвая страна покоилась въ мертвой тишинѣ.
Ночью мнѣ долго не давалъ уснуть козленокъ, жалобно плакавшій гдѣ-то по соседству. Въ маленькое окошечко, пробито въ каменной стѣнѣ почти подъ потолкомъ, какъ въ тюрьмѣ, бѣгло сквозъ желѣзную рѣшетку лунное небо. Въ полутемной жаркой кельѣ беззвучно плавали москиты. Блужи же Тиверіады упоминаются даже въ поучительныхъ... Но я помянуто съ восторгомъ говорилъ себѣ: я въ Тиверіадѣ!
Ганнимъ утромъ мы поплыли въ Капернаумъ, Озеро недолго дышало

вотъ Онъ, съ раскрытой головою, въ бѣлой одеждѣ, идетъ по берегу. «Проходя же близъ моря Галилейскаго, увидѣлъ Симона и Андрея, брата его, закидывающаго сѣти въ море, ибо они были рыбаковы. И сказалъ имъ: идите за мною и сѣлаю, что вы будете ловцами человековъ. И они тотчасъ, оставивъ лодку и отца своего, послѣвовали за Нимъ»...
Табха между Капернаумомъ и Магдалой. Мы опять поплыли мимо невысокихъ холмовъ въ тѣхъ же бурныхъ, выгорѣвшихъ травахъ. Возлѣ Табхи единственное живое мѣсто этой пустыни: въ озеро впадаютъ источникъ, дающий о себѣ знаніе нѣсколькими звалиптами и посѣвами въ долинкѣ межъ холмами. Подъ звалиптами черный мальчикъ пасетъ десятокъ черныхъ вислоухихъ козъ съ колокольчиками на шеѣ. Это — стадо братіи. А пріютъ ея — на холмѣ, рядомъ: нѣчто въ роля маленькаго крѣпости, два-три зданія изъ дикаго камня за высокими стѣнами. Настоятель здѣсь старикъ-нѣмецъ, чистота и порядкомъ у него нѣмецкіе. Встрѣтилъ онъ насъ, сожженныхъ зноемъ, сдержанно, но пріятливо, комнаты далъ въ нижнемъ этажѣ, самая прохладная, выходящая на большую каменную террасу, въ садикъ по скату холма, усыпанный гравіемъ, испещренный легкой тѣнью свѣтлой, сквозной зелени перенныхъ деревьевъ, нѣжнѣйшихъ мимозъ, нѣжнѣйшихъ хвойныхъ породъ, серебристо-голубыхъ, легкиихъ, какъ перья. Среди нихъ помпанились два-три пальмы, чернѣли молоденькіе кипарисы, шѣдли розы, ворковали дикія горлянки, наслаждаясь солнечнымъ затишьемъ... И, оставшись одинъ на террасѣ, я взялъ съ каменнаго стола лежаваще на немъ Евангеліе, развернутое какъ разъ на тѣхъ страницахъ, что говорятъ о морѣ Галилейскомъ. Теперь оно было передо мною. Я читала о немъ, видѣлъ и его, и свѣтлыи, неизрѣченно-прекрасный Образъ, какъ бы и донныи не покинувшій его береговъ. Солнце было въ зенитѣ. Озеро, воздушно-зеленое, во всей тропической мягкости своей, тоило, мѣлѣло въ серебристомъ полуденномъ свѣтѣ, теряясь на югъ...
Какъ сладокъ, какъ ласковъ здѣсь изрѣдка набѣгающій, теплый отъ дыханія затуманенныхъ зноемъ горъ, сильный южный вѣтеръ! Какъ широко, все спущающа и темнѣя, бѣжитъ передъ нимъ лиловая зыбь по зеркаламъ береговъ, гдѣ свѣтитъ золото предгорья! Какъ дремлетъ клонятся, кланяются этому благословенному озеру кипарисы, вѣточкі переныхъ деревьевъ и кудри плакучихъ мимозъ въ золотомъ свѣтѣ, какъ сухо шелестятъ вайи пальмъ, напоминая о Египтѣ, сохранявшимъ Его драгоцѣнную жизнь въ млаленствѣ!
Ив. Бунинъ.
1907-1927 г.